

В. П. Ключева

**НЕ ЖЕНСКОЕ ЭТО ДЕЛО ИЛИ РАБОТА НА РАВНЫХ?
НАРРАТИВЫ ГЕОЛОГОВ О РАБОТЕ В ПОЛЕ***

doi: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-133-141

УДК 396

ББК 63.584

В статье рассматривается специфика участия женщин в полевых геологических исследованиях. Поставлен вопрос, насколько в профессиональной деятельности советских геологов, и прежде всего в экспедиционной работе, присутствовало «управление гендером» (по терминологии Хайнц и Надаи). Акцент на полевой специфике сделан потому, что работа геологов в обществе ассоциируется с некомфортными условиями труда. И апелляция к трудностям полевой работы является аргументом для характеристики профессии геолога как не подходящей для женщин. Для геологов полевой опыт был возможностью проверить себя в тяжелых условиях. Кроме того, выезд в поле являлся своеобразным способом удовлетворения потребности в экстремальных эмоциях, которые сложно воспроизводятся в спокойной обстановке. Анализ собранных данных показывает, что гендер в полевых условиях был вторичен. Первостепенную роль играли профессиональные навыки геолога-полевого. Однако случаи дискриминации по половой принадлежности присутствовали. Отношение к женщинам закладывалось установками руководителя геологической партии. Статья написана на материалах биографических интервью с геологами-полевыми, работавшими в северных регионах страны в 1970–1980-е гг.; для сравнения привлекались интервью, относящиеся к современному периоду, и опубликованные воспоминания. Исследование проводилось в 2014–2021 гг.

Ключевые слова: *геологи, гендер, полевая работа, маскулинная культура, антропология профессий, биографические интервью*

В обществе сложилась традиция воспринимать геологию как в большей степени мужскую сферу деятельности. В романе О. Куваева «Территория» показан исключительно мужской мир, где женщин значительное меньшинство, и к геологии они имеют лишь косвенное отношение. Одноименная экранизация романа (2014 г., реж. А. Мельник) сохраняет эту установку. Не зря один из критиков прямо указывает, что «на Территории, в лиминальном пространстве мужских инициаций, мальчики становятся настоящими — то есть мужчинами, золотоискателями, геологами, героями».¹ Схожим образом представлено опи-

сание новейшего памятника «Геологам Русского Севера», открытого в апреле 2021 г. в Архангельске: «Собирательный образ геолога, который изображен в рабочей одежде. В одной руке геолога — кирка, в другой — найденная порода».² Но одновременно с этим отметим, что и женщины-геологи³ не являются редкостью в советской кинематографии. Упомянем два фильма, где в центре сюжета находится женский образ: «Время летних отпусков» (1960 г., реж. К. Воинов), «Всадник с молнией в руке» (1975 г., реж. Х. Хажкасимов). Но чаще они являются второстепенными героинями или им приходится отстаивать свое право на участие в геологическом поиске — например, как в фильме «Алмазная тропа» (1978 г., реж. В. Хмельницкий).

Подобная двойственность в гендерном представлении о геологических специальностях наблюдается постоянно. С одной стороны, геология, и прежде всего полевая геология, в визуальных образах представлена как профессия для «настоящих мужчин». С другой — ее маскулинность не подтверждается даже простым

¹ Басалаева И. Настоящие люди в отечественном кино эпохи «добраго патриотизма» // Новое литературное обозрение. 2019. № 3 (157). С. 149–168. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/157_nlo_3_2019/article/21146/ (дата обращения: 20.05.2021).

Ключева Вера Павловна — к.и.н., в.н.с., Тюменский научный центр СО РАН; с.н.с., Лаборатория исторической географии и регионалистики, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: vormpk@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-49-720017/20 «Открытие «Большой нефти» в нарративах и исторической памяти тюменских геологов: дискурсивные практики и коммеморативные паттерны» (рук. И. Н. Стась)

² В Архангельске открыли памятник геологам Русского Севера. URL: <http://pravdasevera.ru/society/-juakkobr> (дата обращения: 20.05.2021).

³ В дальнейшем в тексте будут использоваться как синонимы два слова: «женщина-геолог» и «геолинг».

наблюдением. И этот факт подчеркивается в публикациях, посвященных геологам: «...женщины всегда тянулись к такой науке как геология. Например, на кафедре минералогии, где училась будущий геолог, было много девочек. Да и в целом, если разобраться, женщины внесли в геологию немалый вклад. На их счету открытие месторождений на Колыме, в Якутии, на Кавказе...» (из интервью с д.г.-м.н. Н. Е. Саввой, 2011 г.).⁴ Да и сами мужчины вспоминают своих коллег: «Женщины в коллективе геологов-полевиков составляли значительную и довольно заметную его часть. Условия полевой жизни, тяжелые для мужчин, для них удваивались. И, тем не менее, выпускники институтов и техникумов, энтузиастки, преданные избранной профессии, ежегодно пополняли наши ряды. <...> Ни последующее замужество, ни рождение детей не сбивали многих из них с избранного пути».⁵

В советской и постсоветской историографии теме женщин в геологии уделено достаточно внимания. Но большинство текстов посвящено биографиям и исследовательской деятельности отдельных ученых.⁶ Другой подход был выбран В. А. Баскиной,⁷ записавшей многочасовые биографические интервью со своими коллегами по Институту геологии рудных месторождений РАН. Этот подход позволил показать, как складываются жизненные траектории женщин, выбравших «мужскую» профессию. В предлагаемой статье будет представлен «полевой» аспект профессиональной деятельности геологинь.⁸ Он выбран в связи с тем, что эта профессия в представлении большинства людей во многом состоит из работы

вне дома в трудных некомфортных условиях. И апелляция к трудностям полевой работы — зачастую основной тезис в попытках отговорить девушку от выбора специальности или факультета. Об этом рассказывается в интервью И. Т. Расс: «После Урала я приехала и пошла в геологический кружок при Университете. Мы начали ходить по Подмосквовью, и очень мне всё это нравилось. <...> А потом — это были девятый и десятый классы — я решила, что буду поступать на геологический. Где-то в десятом [классе] мама несколько спохватилась, что она девочку упустила, и стала рассказывать мне про геологов и про их тяжелую жизнь».⁹ Одновременно с этим романтизация полевой работы может быть мотивирующим фактором для первичного выбора специальности абитуриентки: «Меня не прельщало сидение в кабинетах. Мне хотелось на природу» (инф. 1).

В основе статьи лежат биографические интервью с полевыми разными специальностей (геологами, почвоведом, геодезистами, мерзлотоведами, картографами), работавшими в геологических партиях на «северах» (север Тюменской области — ЯНАО и ХМАО; Кольский полуостров, Магаданская область, Чукотка)¹⁰ в период промышленного освоения регионов и продолжающими жить и/или работать в этих регионах до настоящего времени. Всего было собрано 35 интервью, из них 17 женских и 18 мужских. Хотя в представленной статье они были использованы не все, но все они позволяют увидеть специфику полевых работ в геологии. Исследование проводилось в 2014–2021 гг. В статье используются как женские, так и мужские интервью. На наш взгляд, использование только женских нарративов не позволяет показать многогранность женского присутствия. Хронологически в статье рассматривается период 1970–1980-х гг., но также привлекаются интервью геологов, работающих в настоящее время (2010-е гг.), и опубликованные воспоминания более раннего периода, чтобы показать общие моменты геологической специфики. Опираясь на размышления информантов и факты из воспоминаний, постараемся ответить на вопрос, какое значение гендер имел в полевой геологии в позднесоветский период. Можно ли

⁴ Геология — женская ли это наука и каковы сегодня ее перспективы? URL: <http://news-mining.ru/analitika/show20021/> (дата обращения: 20.05.2021).

⁵ Незнанов Н. Н. Богини путешествий // Люди Восточной тундры. URL: <https://fgutfi.ru/Public/Neznanz2/bogini.htm> (дата обращения: 29.05.2021).

⁶ См., напр.: Наливкин Д. В. Наши первые женщины-геологи. Л., 1979; Стародубцева И. А., Романова В. В. Женщины в геологии. Ольга Алексеевна Денисова (1893–1972) // Известия высших учебных заведений. Геология и разведка. 2020. № 63 (3). С. 82–91; Стародубцева И. А. Женщины в геологии. Елена Александровна Молдавская (1891–1973) // Известия ВУЗов. Геология и разведка. 2019. № 3. С. 77–85.

⁷ См.: Баскина В. А. Женщины-геологи России. СПб., 2019.

⁸ Добавим, что к теме геологического поля исследователи уже обращались, но в фокусе их внимания были неформальные полевые практики или психологические особенности полевики, без учета гендерной специфики. См., напр.: Федосеев С. Ю. Проявление неформального фактора в профессиональной среде геологов-полевиков // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 1. С. 167–173; Шунькова С. В. Исследование профессиональной деятельности и образа жизни специалистов, работающих в геологической партии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 3 (3). С. 173–179.

⁹ Ирина Теодоровна Расс // Баскина В. А. Указ. соч. С. 650.

¹⁰ Выражаем благодарность своим коллегам Н. Ю. Замятин и А. В. Потуровой, которые поделились интервью, собранными в Магадане и на Чукотке.

считать, что в профессиональной деятельности советских геологов присутствовало «управление гендером»¹¹ (по терминологии Хайнтц и Надаи), или же этот конструкт характерен для профессий с более четкой символической идентификацией «мужские/женские»?

Я в геологи пойду, пусть меня научат

В 1950–1970-е гг. геологические и географические факультеты пользовались большой популярностью. «Вот эти годы, 60-е, 70-е годы, — это освоения, открытия. А это всегда зажигает. Вот основные месторождения нашли тюменские — это и Восточная Сибирь, и открытие тех же месторождений алмазов. Так или иначе, как-то было связано с романтичным, и профессия становилась такой вот... Модной? Престижной? Хотя если взять по конкурсу поступающих, то геологический факультет — это примерно три, три с половиной человека на место. Это стабильно. Потом поменьше стало» (инф. 2). В этих условиях сложилась общность людей с активной жизненной позицией, чувством собственного достоинства, высоким уровнем личного и профессионального взаимодействия.¹² Одновременно с этим формировалось представление об особом «северном профессионализме», отличавшемся чрезвычайной сложностью решаемых задач, требовавшем инициативности и высокой меры личной ответственности: «Он [Север — В. К.] привлекал чем именно? Вот этой свободой, а потом, наверное, возможностью принимать решения самостоятельно. То есть решать любые вопросы самостоятельно» (инф. 2). А также сохранялась романтизация геологического поиска. В популярной песне «Говорят, геологи — романтики» (1967 г., Я. Френкель, Л. Ошанин) воспроизводились все типические образы: «романтики, бродяги, таежные чудачки, работяги, копатели, ходяки». Интересно замечание Н. И. Новиковой, что аборигенное население ХМАО вспоминает первых геологов и нефтяников, как романтиков с гитарами.¹³ Опровергает или, скорее,

корректирует представления о романтичности профессии Р.-Ю. Эрвье, возглавлявший геологическую службу Тюменской области в период нефтегазового освоения: «...труд геолога не только романтика, как часто мыслят и пишут многие, но и большая физическая и моральная нагрузка, вечный поиск нового, повседневное преодоление совсем не романтических, а, скорее, обыденных трудностей».¹⁴ Об этом же говорил мэтр тюменской геологии Л. Ровнин: «Профессия геолога — школа выживания, хотя ее почему-то считают романтической. Как приходилось работать? В рубленых балках, одолеваемые полчищами комаров и мошек, вели геологическую документацию, готовили обед, совещались».¹⁵

Романтический образ профессии, несомненно, играл важную роль при ее выборе, хотя не менее важны были и личностные характеристики абитуриента. Уже сам выбор специальности предполагал интерес к путешествиям и поиску новых впечатлений. «Специальность эту [геологию — В. К.] я выбрал достаточно случайно, честно говоря. В детстве сильно увлекался лесом, природой, охотой. Когда класс десятый был, приехал мой брат, а он уже к тому времени окончил МГУ, геологический факультет. И он, соответственно, выслушав мое направление, говорит: давай поедem в МГУ. <...> Попробовал, получилось. Так в принципе и пришел. Не знаю, до сих пор не уверен, что оно мое...» (инф. 2). Во время одной из бесед на темы геологического поиска и выбора специальности информантом было сказано, что романтику придумали журналисты и барды, а геологи и прочие «бродяги» этой придумкой прикрывают свою страсть к перемене мест. «Когда решили, что поступать буду в МГУ, почитала о географическом факультете, там романтика, надо ездить везде, в экспедиции. Это меня прельстило» (инф. 3). Материальный фактор как причина тоже присутствует. Но в таком случае геологическая специализация не являлась определяющей. «Ну, тут очень все прозаично и примитивно, надо сказать. <...> Я выбирала между авиационным и нефтяным, зная, что и там, и там, значит, специалисты [хорошо] получают. Когда я попала в нефтяной институт (я поступала на разработку), я считала, что это геология в основном» (инф. 4).

¹¹ Под управлением гендером понимается подчеркивание или нивелирование половой принадлежности в зависимости от ситуации и контекста взаимодействия. Этот термин более точно, чем термин «делание/неделание гендера», характеризует ситуацию, когда при формальном профессиональном равенстве предполагаются разные требования, связанные с полом. См.: Хайнтц Б., Надаи Е. Пол и контекст: деинституционализация и половая дифференциация // Современная немецкая социология: 1990-е годы. СПб., 2002. С. 282–311.

¹² Баскина В. А. Указ. соч. С. 11.

¹³ Новикова Н. И. Охотники и нефтяники: исследование по юридической антропологии. М., 2014. С. 194.

¹⁴ Цит. по: Шуклин А. Черное золото Югры. Тюмень, 2008. С. 22.

¹⁵ Маслова О. Берёзовский фонтан в судьбе легендарных геологов. URL: <http://www.ugra-start.ru/articles/vne-nomera/1544> (дата обращения: 23.05.2021).

В реальности мотивация для выбора геологической специальности могла быть самой разной. Например, В. А. Баскина предполагала, что в геологию женщины шли «за модой, престижем, свободой, зарплатой».¹⁶ Работа геологов считалась престижной и достаточно высоко оплачивалась. Отметим, что сочетание возможности реализовываться в профессии и получать большую зарплату, тоже было важным при выборе специальности.

Приход в геологию мог быть как осознанным, подготовленным, так и «с чистого листа». «Мой отец был буровым мастером, и заразил меня этим с детства. <...> Мы могли с ним говорить до бесконечности, причем говорить на геологические темы» (инф. 1). Тогда как геолог, работающая на Восточном руднике (г. Кировск, Мурманская обл.) и учившаяся в 2010-е гг., призналась, что геология у нее ассоциировалась только с романтикой: «Геологи же разные бывают. Но все равно — это романтика. И пошла я неосознанно, на первом курсе я вообще не понимала, что это из себя представляет. Поняла уже впоследствии, [что] это интересно, как минимум» (инф. 5). Другой информант ориентировался на общий образ профессии — природа, походы, свобода, — но не следует считать это общей тенденцией. «Я люблю двигаться, люблю ходить, почему бы не пойти на геологический факультет? <...> Геологи — они нужны, они всегда что-то ищут. По крайней мере ископаемые всегда будут нужны. Такой вот дилетантский подход» (инф. 6).

В некоторых случаях выбор специальности оказался вынужденным компромиссом между научным интересом и условиями поступления. Девушка, поступившая в 1947 г. в Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (МИИГАиК) и работавшая сначала на строительстве Братской ГЭС, а затем в Тюменской области, стала геодезистом случайно: «Я очень хорошо в математике разбиралась. ...но в МГУ я не смогла бы поступить».¹⁷ <...> Тогда я пошла в МИИГАиК. В МИИГАиКе конкурс был небольшой и я его, конечно, преодолела, потому что хорошо знала математику, и физику неплохо знала, и училась не так уж плохо» (инф. 7).

Первое знакомство с полем у будущих геологов происходило в студенческие годы. «Ко-

нечно, студенческие практики у нас были до трех месяцев. Вот в Крыму, например, мы все аспекты геологических наук изучали. А в производственную практику, первую практику [19]74 г., я вообще в поле была май, июнь, июль, август и сентябрь. Пять месяцев! Это полноценное поле, причем у нас было много студентов, работала я с экспедицией кафедральной в Якутии, у нас была Южно-Якутская экспедиция. Все делали студенты! Маршруты, все-все, что касается режимных наблюдений, замеров температуры, и ландшафтных описаний, и отложений геологических» (инф. 1). Было очень важно понять, сможешь ли ты выдерживать подобный режим работы. В имеющихся рассказах в редких случаях упоминалось разделение бытовых обязанностей: готовят студентки, костром и палатками занимаются студенты. Во «взрослых» полях деление на мужские/женские бытовые обязанности в воспоминаниях информантов отсутствует. «Мы по очереди дежурили, готовили все сами, кроме И. Как дежурство И., его нет. Он уходил якобы на замеры. Его караулили, он все равно сбежит» (инф. 3).

Нарабатывать опыт в геологических партиях студенты начинали с 3–4-го курса. Выходя на работу, они зачастую сразу же уезжали в экспедиции. Типичный пример выпускницы геофака МГУ 1976 г.: «Я буквально дня 2–3 [провела] в Тюмени и улетела на Север. Все, вертолет улетел, комары насели, палатки поставили... И началось поле, и началась романтика, самая что ни на есть...» (инф. 1).

Хотя во время полевых практик студенты не делились по гендерному признаку, во время распределения встречались случаи предпочтения мужчин женщинам, даже в ущерб профессиональным интересам. Об этом откровенно рассказывает И. Т. Расс: «На всех предварительных распределениях я распределялась на Камчатку. Но перед нами распределялись петрографы. И вдруг Костя Скрипко, подлая рожа, говорит, что он хочет на Камчатку. Ему говорят, что там нужен геохимик. А он говорит: “Ну, кого вы предпочитаете, геохимика-бабу или петрографа-мужика?” Они предпочли [его], а я пошла плакать, потому что я абсолютно не знала, куда распределяться вообще».¹⁸ Подобная ситуация сохранилась и в настоящее время. И она осложняется тем, что современным выпускницам приходится

¹⁶ Баскина В. А. Указ. соч. С. 24.

¹⁷ Информантка имеет в виду, что это было время антиеврейской кампании, и в МГУ было негласное квотирование на поступление на мехмат евреев.

¹⁸ Ирина Теодоровна Расс... С. 658.

искать работу самостоятельно: «Когда я искала [работу], писала всем, [то] говорили или писали, что нужен мужчина. Типа таскать то, делать это. Хрупкая девушка для этого вообще не подходит» (инф. 5).

Такие случаи можно объяснить тем, что полевые геологи по собственному опыту и опыту коллег знали, что семейная жизнь зачастую трудно совместима с полевой работой.¹⁹ Подобную перспективу, к примеру, рисовали талантливой студентке: «...из нее получился бы хороший ученый, но вот выйдет замуж, пойдут дети...»²⁰ Однако совмещение было возможным: «У меня в [19]81 [г.] родился Антон. Потом после Антона я раза два уезжала на Ямбург в поля. В [19]83 [г.] я не ездила, потом [ездила в 19]84–85 [гг.], в [19]86 [г.] родилась Оля. И у меня уже в принципе не было [полей]. Я потом вылетала в начале 90-х на Бованенково и Харасавэй на очень короткое время в командировки, там они были уже другого плана. Но 10 полевых сезонов я отработала честно!» (инф. 1).

...И началось поле, и началась романтика

Геологические исследования включают в себя полевые и камеральные работы: «Если работа связана с изучением природной обстановки, то нужны наблюдения на натуре, на природе. Это называется выезд в поле, полевые работы. То есть не с книжками сидишь. <...> Ну, если изучение грунтов, значит, бурится скважина, берутся образцы, они исследуются и т. д.» (инф. 8). Хотя полевые исследования необязательно предполагали жизнь на месторождениях или в тундре. Зависело это во многом от задания и специализации сотрудника. «После развода я стала ездить. Сначала в Назарово, а потом в Уренгой ездила. <...> Там я жила одна и ходила по всяким предприятиям, собирала информацию, когда неохота, [то] дома сидела, книжки читала. И это тоже “поле”. Вот такое вот “поле” было у меня, нетипичное» (инф. 9). Как видим, маркируется такое поле как неправильное, нетипичное.

Полевые работы имеют свою специфику: ограниченность по срокам деятельности геологической партии, зависимость от погодных условий, повышенную опасность (вероятность встречи с опасными животными, часто медве-

дями или волками), наличие непредвиденных обстоятельств (поломка оборудования, проблемы с возвращением на базу из-за погодных условий или отсутствия транспорта и пр.). Еще В. Обручев выделял особенности полевой геологии в северных таежных областях Сибири: «Неблагоприятными условиями геологических исследований в этих областях являются обширные леса, скрывающие обнажения, и почти полное безлюдье, летом, кроме того, болота, комары, мошки, оводы, слепни в огромном количестве, а зимой жестокие морозы, метели и короткий день».²¹

Но особенности работы и ее трудности перекрываются эмоциональной составляющей. Можно утверждать, что для геологов выезд в поле являлся своеобразным способом удовлетворения потребности в острых ощущениях, которые сложно воспроизводятся в спокойной обстановке. Именно об этом пишет С. Федосеенко, указывая на существование феномена полевых работ, который сравним «с самой жизнью, с дыханием, с тем, без чего человек не мыслит свою работу и свое существование. Геологи даже говорят о “полевой болезни”, — когда полевик в силу тех или иных причин не может поехать в экспедицию, он испытывает тяжелые переживания, связанные с невозможностью удовлетворить эту потребность».²² Этот тезис подтверждается собранными историями. Вот как объясняется переход из одной организации в другую: «А работа была грустная. Поля не было совсем, эта организация мало связана с полевыми работами. Были командировки целенаправленные, но не такого плана, как [экспедиции]. В общем, скучная была работа» (инф. 8). В другом случае информантка признавалась, что скучает по экспедициям и, несмотря на возраст, каждую весну начинала думать о выездах, о том, чтобы «нюхать воздух» (инф. 3). По мнению В. А. Баскиной, поле геологиням давало свободу от «занудства быта».²³

Экспедиции не делились по гендерному составу. Не было специальных инструкций или неписаных правил о численности (процентном соотношении) мужчин и женщин. О «чисто женских» коллективах не рассказывали, чаще всего количество женщин составляло от трети до/или почти половины состава. «— А кто был в этой экспедиции с Вами? — П. И., З. В., Д., О. Ф., студенты были с Киевского университета.

¹⁹ Этот тезис присутствует и в современных популярных профориентационных текстах. См., напр.: Абрамова Е., Васильченко А. Профессия геолог. URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/obrazovanie/geolog/> (дата обращения: 29.05.2022); и др.

²⁰ Федорчук В. П. О геологах нескольких поколений // Геология — жизнь моя. Сборник очерков. М., 2000. Вып. 1. С. 326.

²¹ Обручев В. Полевая геология. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 50.

²² Федосеенко С. Ю. Указ. соч. С. 168.

²³ Баскина В. А. Указ. соч. С. 666.

<...> — Как минимум три женщины было? — Еще было две женщины с кафедры геокриологии, которые с нами приехали делать геофизику шурфа, они не работали, они были, так сказать, сезонными. Так что у нас там женщин много было» (инф. 1). В некоторых случаях, например, проведением разведки зимой и ранней весной занимались чаще всего мужчины. Особенно это касалось геологов-мерзлотоведов, так как специфика их работы была связана с изучением вечной мерзлоты и промерзанием грунтов. «Практически круглый год, но не весь год, но почти год. Исследования проводили температурно, режимные по грунту, на трассе нефтепроводов. Это Березовский район, как раз зима была страшная, морозы под сорок стояли. Дров не хватало, мы пилили деревья, которые стояли, вот так несколько сантиметров лед, то есть промерзали деревья» (инф. 2).

Интересно, что необходимость смешанных партий могла обосновываться не только профессиональной необходимостью, но и «культурными» требованиями. По рассказам коллеги, его мама, магаданский геолог с большим полевым стажем и опытом руководства, всегда подчеркивала важность женского присутствия в поле. По ее мнению, при женщинах мужчины не позволяли себе «опускаться». Возможно, это идеализированный взгляд на ситуацию, но в других интервью встречаются близкие по смыслу утверждения, связанные с негласным запретом на нецензурную брань в присутствии женщин.

Руководители-мужчины могли по-разному воспринимать женский состав своей партии: «П. И. в тот момент не надо было баб в поле» (инф. 1). Нежелание видеть «баб» в поле объяснялось необходимостью учитывать ряд особенностей: отдельная палатка, ограничения по весу рюкзака до 16–18 кг, желательно неодиночный маршрут.

Пространство лагеря могло быть организовано таким образом, что между палатками находилось некоторое расстояние. И это вызывало чувство незащищенности у женщин, особенно если рядом могли быть медведи: «Это первое мое поле. Я жила в палатке с весами. Это легкая такая оранжевая палатка была с тентом, а мужики жили в метрах двухстах от меня, далеко, втроем, с ружьями, с топорами, со всем. А у меня ничего [нет], кроме весов. И книжка “Муки радости”, я тогда Стоуна читала» (инф. 1). На маршрутах женщин мог сопровождать кто-то из рабочих из партии с

оружием, но часто они справлялись самостоятельно: «Мы ходили с Г. с ружьем, с ножом, со скальпелем»²⁴ (инф. 3). В некоторых воспоминаниях можно прочесть еще об одной опасности — сексуальных домогательствах в отношении женщин. Но это не являлось распространенным явлением. Была велика роль руководителя экспедиции, который устанавливал границы дозволенного. В частной беседе один из моих собеседников объяснил, что специально предупреждал «мужиков, чтобы вели себя прилично». Кроме того, зачастую в поле выезжали сотрудники одной организации, для которых и в полевых условиях сохранялся тот же тип отношений, что и в городе. В собранных интервью тема домогательств не поднималась. Возможно, она оказалась табуирована для собеседников. Единственным упоминанием о таких проблемах стал сюжет с вертолетчиками на Тамбее (Ямал). «В. В. сказал: “Так, со строителями дружить можно, с радистами дружить можно, но с вертолетчиками — нет.” Они приезжали на базировку, в тот же Тамбей, и говорили: “Так, кто тут повара, медсестрички, туды-сюды?” “Курятник” они это называли... Понятно? Поэтому нам нельзя было дружить с вертолетчиками. Нам с Н. Ф. нельзя было дружить с вертолетчиками» (инф. 1).

Жизнь в поле предполагала бытовые трудности, к которым всем участникам экспедиции нужно было уметь приспосабливаться. Затруднения вызывали гигиенические привычки или неумение готовить в непривычной обстановке. «Самый большой кулинар, конечно, была З. Она все умела. И тесто поставит полное ведро 10-литровое... <...> А что я сама делала, я не помню. Я готовить, нужно сказать, научилась в поле, до этого я не умела. Просто смотрела — где, как, чего. И мне очень много помогала О. Мы с ней жили в палатке вдвоем. <...> Вот это поле было, а уже август был, и уже холодно ведь, а палатки-то были несерьезные, неотапливаемые, маленькие, только два спальных места» (инф. 1).

Распределение обязанностей и подбор членов экспедиции происходил в соответствии со специализацией полевого. « — А не было такого, что говорили: вот что ты, женщина, в геологии забыла? Или было? — Так я же пахала, кто мне скажет? У нас был старший геолог и поставил меня геологом нескольких буровых. Вот я, например, браковала некоторые, а это что значит? Они, допустим, уже 70 метров

²⁴ Скальпель использовался информанткой-почвоведом для взятия проб.

пробурили, как говорят, прошарашили, а там зона должна была быть. Все. Я прихожу — ничего нет. Керны ящики. Все, перезабуриваемся. Клины ставим и по новой [бурим]» (инф. 10).

Среди «нетипичных» полей упоминаются случаи гендерного разделения, но и оно связано со специальностями полевиков: «Я-то ездила уже с П. в Красноярский край. Изучение терриконов, разработка открытым способом, карьер. <...> Мы-то, девчонки, в основном обрабатывали то, что парни [собирали]... Они там бегали по окрестностям, какую-то информацию собирали, и мы там что-то считали, рисовали, мы сидели на месте. Это даже полем как таковым нельзя было назвать. Просто мы не в городе, а там, на месте обрабатывали» (инф. 9).

Гендерная специфика могла проявляться в длительности поля. Полевой сезон обычно продолжался с мая по октябрь, хотя бывали и изменения сроков. «Высаживалась Тамбейская геологоразведочная экспедиция в [19]80 г., и мы осенью под их поселок, причал, аэропорт, делали тоже комплексные съемки: геолого-, инженерно-геологические, гидро-геологические, мерзлотные — под размещение будущей тамбейской геологоразведочной экспедиции. <...> И вот это поле на Тамбее у меня длилось сентябрь, октябрь, ноябрь и пол-декабря» (инф. 1). Женщины старались вернуться раньше, чтобы собрать детей в школу 1 сентября.

Прецеденты работы семейных пар в одной партии не являются установочными, скорее это зависит от желания самих женщин. Так, информантка, имеющая опыт работы на месторождениях в ХМАО и ЯНАО, перешла работать в другую организацию, чтобы ездить с мужем: «У каждого своя дорога. Я ушла из ПНИИСа²⁵ в 1979 г., я вышла замуж за В. В. И в 1980 г. пошла в Сибирскую комплексную геологоразведочную экспедицию в Северную партию, чтобы с мужем вместе ездить на поля» (инф. 1). Но чаще это объяснялось работой в одном подразделении: «— Многие работали семьями? — Нет, только мы с П. И. ездили вместе. — Сами так захотели? — Просто я работала у П. И. в лаборатории» (инф. 3). На Чукотке в 1990-е гг. в артелях также предпочитали работать семейные, чтобы сгладить уязвимость женской позиции: «Женщины в артели... Мужчин много, женщина одна. Обязательно будут дразги. <...> Обычно, если работали женщины,

то начальник участка — он, жена его — повари-ха, то есть она при муже. А так одной не очень приятно [работать]» (инф. 11).

В поле складывались неформальные практики: пищевые традиции, способы проведения досуга, поддержания коммуникаций внутри партии. Вообще вопрос о свободном времени воспринимался как нечто странное. В первый момент наличие свободного времени отрицается: «Досуга как такового и не было. Какое свободное? Работать надо!» (инф. 1). Хотя, конечно, свободное время было, каждый проводил его по-разному: «Кто книги читал, приемник слушали. Спидолы возили с собой. Женщины брали рукоделие с собой, варенье варили, грибы по осени сушили» (инф. 8). Также рассказывали, что играли в преферанс или раскладывали пасьянсы; вырезали из дерева ложки или фигурки, рисовали или песни у костра пели. И здесь появляется гендер: рукоделие и варенье — женские занятия, резьба по дереву — мужское. Встречаются редкие примеры, которые могут быть отнесены к «управлению гендером», например, неформальная практика запрета на нецензурную брань: «— поскольку коллектив был смешанный: наполовину такой, наполовину этакий [имеется в виду гендерный состав — В. К.], сдерживались в определенных выражениях. — То есть раньше не принято было материться при женщинах? — Нет, конечно, практически нет. Ну, может, высказывало иногда, но нет...» (инф. 8); «В поле они не матерились. Иногда слышно было, особенно Х., когда Кирилл [кличка собаки — В. К.] у него надует в спальник...» (инф. 3).

Заключение: а был ли гендер?

Полевой опыт, пусть даже на уровне студенческой практики, присутствовал у всех выпускников геологов и географов. Для большинства информантов, как женщин, так и мужчин, полевой опыт становился возможностью проявить и проверить себя. При этом для женщин он оценивается как более тяжелый. Важность участия в экспедициях объясняется в том числе психологическими характеристиками. Длительность совместного проживания определяет довольно высокий уровень открытости, невозможность скрывать многие черты характера и отношений. Поэтому полевой образ жизни воспринимается как подлинный и более искренний.²⁶

²⁵ Производственный научно-исследовательский институт изысканий в строительстве, находился в Тюмени.

²⁶ См.: Шунькова С. В. Указ. соч. С. 176.

Следует заметить, что прямые ситуации «управления гендером» встречались, о чем свидетельствуют имеющиеся источники. Особенно это касалось приема на работу молодых специалистов-выпускников. В полевых условиях следует говорить не об «управлении гендером», а о специфике бытовых условий, которые приходилось учитывать в смешанных геологических партиях. В отдельных случаях можно говорить о подавлении женственности, о чем встречаются упоминания в опубликованных воспоминаниях. Например, девушку, которая после окончания полевых работ, «стосковавшись по женским нарядам, после многолетнего скитания по лесам и степям в штанах и сапогах», пришла в управление в коллектив геологов, высмеяли за использование бижутерии: «Больше подобных излишеств я себе не позволяла».²⁷ Именно такой поведенческий паттерн предлагается в качестве образца: «Все наряды оставлены дома / Здесь другим украшениям цена. / Ходят женщины с ликом Мадонны / И косметика им не нужна».²⁸

Формальное отсутствие геологинь в репрезентации профессии иллюстрирует феномен скрытого присутствия. Конструирование феномена начинается еще в момент выбора про-

фессии, когда романтика противопоставляется тяжелому труду. Поэтому женщины сами воспроизводят стереотип, что они занимаются делом, несовместимым с их полом: «Мне кажется, изначально это неженская профессия, моя профессия, поисковик» (инф. 5). При этом в рассказах, описывающих полевой образ жизни, гендерные моменты отмечаются достаточно редко. Только если на них акцентировать внимание, как это сделала в своем исследовании В. А. Баскина. Однако в большинстве примеров гендерные роли и стереотипы существовали в обычных, городских условиях, тогда как в поле важную роль играли профессиональные навыки.

Список интервью:

- Инф. 1 — Г. Л., жен., геолог, Тюмень.
- Инф. 2 — В. Л., муж., криолог, Тюмень.
- Инф. 3 — З. Ч., жен., почвовед, Тюмень.
- Инф. 4 — С. П., жен., геолог-нефтяник, Сургут.
- Инф. 5 — А. Р., жен., геолог, Кировск.
- Инф. 6 — В. К., муж., гидрогеолог, Тюмень.
- Инф. 7 — Р. Д., жен., геодезист, Тюмень.
- Инф. 8 — П. К., муж., криолог, Тюмень.
- Инф. 9 — Г. Ж., жен., картограф, Тюмень.
- Инф. 10 — В. И., жен., геолог, Певек.
- Инф. 11 — коллективное интервью Д. А., жен., геолог, и Г. А., жен., геохимик, Певек.

Vera P. Kliueva

Candidate of Historical Sciences, Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the RAS; Tyumen State University (Russia, Tyumen)
E-mail: vormpk@gmail.com

NOT FOR WOMEN OR WORK ON AN EQUAL FOOTING? GEOLOGISTS' NARRATIVES ABOUT FIELD WORKS

The article analyzes the gender aspect of geologists' field work. The question is raised about cases of management of gender in geological professions. The emphasis on field specifics is made because the work of geologists in society is associated with uncomfortable working conditions. The appeal to the difficulties of fieldwork is an argument for characterizing the profession of a geologist as not suitable for women. Probably, for geologists, going to the field was a way to satisfy the need for extreme emotions. Field experience is perceived as an opportunity to test oneself in difficult conditions. Analysis of the collected narratives shows that gender was secondary in the field. The primary role was played by the professional skills of a field geologist. Although there were cases of sexism. The aspects of organizing field work are discussed in detail: distribution of duties and selection of expedition members; living conditions; informal practices of free time. The main method of data collection is a biographical narrative interview. Interviews were conducted with field geologists who worked in the northern regions of the country during the late Soviet period. These narratives were supplemented by published memoirs. The research was conducted in 2014–2021.

Keywords: *geologists, gender, fieldwork, masculine culture, anthropology of the professions, biographical interview*

²⁷ Мазур З. Р. Мои наставники в геологии // Геология — жизнь моя. С. 113.

²⁸ Женщинам-геологам посвящается. URL: <https://stihi.ru/2010/04/26/7643> (дата обращения: 20.05.2021).

REFERENCES

- Basalaeva I. ["Real People" of the "Heartfelt Patriotism" Era in the National Cinema]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], 2019, no. 3 (157), pp. 149–168. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/157_nlo_3_2019/article/21146/ (accessed: 20.05.2021) (in Russ.).
- Baskina V. A. *Zhenshchiny-geologi Rossii* [Female Geologists of Russia]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2019. (in Russ.).
- Fedorchuk V. P. [About Geologists of Several Generations]. *Geologiya — zhizn' moy. Sbornik ocherkov* [Geology is My Life. Collection of Essays]. Moscow: Rossiyskoye geologicheskoye obshchestvo Publ., 2000, iss. 1, pp. 319–366. (in Russ.).
- Fedoseenko S. Yu. [The Informal Factor Manifestation in the Professional Environment of Field Geologists]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2003, vol. 6, no. 1, pp. 167–173. (in Russ.).
- Heintz B., Nadai E. [Gender and Context: Deinstitutionalization and Gender Differentiation]. *Sovremennaya nemetskaya sotsiologiya: 1990-e gody* [Contemporary German Sociology: 1990s]. Saint Petersburg: Sotsiologicheskoye obshchestvo im. M. M. Kovalevskogo Publ., 2002, pp. 282–311. (in Russ.).
- Mazur Z. R. [My Mentors in Geology]. *Geologiya — zhizn' moy. Sbornik ocherkov* [Geology is My Life. Collection of Essays]. Moscow: Rossiyskoye geologicheskoye obshchestvo Publ., 2000, iss. 1, pp. 107–129. (in Russ.).
- Nalivkin D. V. *Nashi pervye zhenshchiny-geologi* [Our First Female Geologists]. Leningrad: Nauka Publ., 1979. (in Russ.).
- Novikova N. I. *Okhotniki i neftyaniki: Issledovaniye po yuridicheskoy antropologii* [Hunters and Oilmen: A Study in Juridical Anthropology]. Moscow: Nauka Publ., 2014. (in Russ.).
- Obruchev V. *Polevaya geologiya* [Field Geology]. Moscow; Leningrad: NKTP Publ., 1932, vol. 1. (in Russ.).
- Shchukin A. *Chernoye zoloto Yugry* [Black Gold of Yugra]. Tyumen: IFA "Tyumen" Publ., 2008. (in Russ.).
- Shunkova S. V. [The Research of Professional Work and Way of Life of Employees of Geological Party]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State Humanitarian University], 2008, no. 3 (3), pp. 173–179. (in Russ.).
- Starodubtseva I. A. [Women in Geology. Elena Aleksandrovna Moldavskaya (1891–1973)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Geologiya i razvedka* [Proceedings of Higher Educational Establishments. Geology and Exploration], 2019, no. 3, pp. 77–85. DOI: 10.32454/0016-7762-2019-3-77-85 (in Russ.).
- Starodubtseva I. A., Romanova V. V. [Women in Geology. Olga Alekseevna Denisova (1893–1972)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Geologiya i razvedka* [Proceedings of Higher Educational Establishments. Geology and Exploration], 2020, no. 63 (3), pp. 82–91. DOI: 10.32454/0016-7762-2020-63-3-82-91 (in Russ.).

Для цитирования: Ключева В. П. Не женское это дело или работа на равных? Нарративы геологов о работе в поле // Уральский исторический вестник. 2023. № 1(78). С. 133–141. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-133-141.

For citation: Kliueva V. P. Not for Women or Work on an Equal Footing? Geologists' Narratives About Field Works // Ural Historical Journal, 2023, no. 1 (78), pp. 133–141. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-133-141.